

СОВЕТСКИЙ ОТПУСК — ЭТО МАЛЕНЬКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КОММУНИЗМ (МЕДСПРАВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА!) (РЕЦ. НА: КОЕНКЕР Д. СПАСИБО ПАРТИИ. ОТДЫХ, ПУТЕШЕСТВИЯ И СОВЕТСКАЯ МЕЧТА. СПб.: БИБЛИОРОССИКА, 2022. 455 с.)

М.В. Васеха

Мария Владимировна Васеха | <http://orcid.org/0000-0003-4132-4370> | maria.vasekha@gmail.com | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Информация о финансовой поддержке

Рецензия написана в рамках плана НИР ИЭА РАН

Книга профессора русской и советской истории Университетского колледжа Лондона Дайан Коенкер вышла в 2022 г. в издательстве “Библиороссика” в серии “Современная западная русистика”. Русское название “СПАСИБО партии. Отдых, путешествия и советская мечта”, по сути, не является прямым переводом с английского. В оригинальном заглавии книги “Club Red: Vacation, Travel and the Soviet Dream” (опубликована в 2013 г. издательством “Cornell University Press”) скрыто больше смыслов и намеков, чем в российской версии заголовка. Здесь “Club Red” — смысловая отсылка к знаменитому “Club Méditerranée” (ClubMed) — французскому туристическому агентству, впервые предложившему миру идею отдыха

“all inclusive”, а слово Red напрямую ассоциируется англоязычной аудиторией с СССР и коммунистической идеологией.

Профессор Коенкер — яркий представитель школы советистов, противоположной той, что рассматривает советский период исключительно через призму “деспотизма”, “принуждения”, “репрессий”, “страха и насилия”. Ее интересует не столько политический режим, сколько повседневность и обыденность изу-

Рецензия поступила 21.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 30.03.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Vasekha M.V. Советский отпуск — это маленькое путешествие в коммунизм (медсправка обязательна!) (рец. на: Коенкер Д. СПАСИБО партии. Отдых, путешествия и советская мечта. СПб.: Библиороссика, 2022) // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 1. С. 235–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010139> EDN: XXIH9R

Vasekha, M.V. 2023. Sovetskii otpusk — eto malen'koe puteshestvie v kommunizm (medspravka obiazatel'na!) [Soviet Vacation is a Getaway to Communism (a Medical Certificate is Necessary!)]: A Review of *SPASIBO partii. Otdykh, puteshestviia i sovetskaia mehta* [Thanks to the Party: Vacation, Travel and the Soviet Dream], by D. Koenker. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 235–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010139> EDN: XXIH9R

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

чаемого общества, она вглядывается в то, как жил простой советский человек, как проходили его будни и праздничные дни. В рецензируемой работе Кoenкер исследует организацию отдыха советских людей. Как это ни странно, при наличии солидного корпуса литературы по различным аспектам советскости и советского образа жизни, в вопросе изучения рекреативных практик Дайан является первопроходцем, что делает книгу “СПАсибо партии. Отдых, путешествия и советская мечта” особенно ценной.

Подход Кoenкер как повседневноведа позволяет ей рассмотреть советскую жизнь с “человеческих” позиций, исследовать мир обычных людей с их заботами, радостями и страданиями, а значит, более полно реконструировать историческую картину, увидеть то, что обычно ускользает при фокусировке исключительно на знаковых событиях. Так, в своей монографии автор говорит о “парадоксах советской культуры”, поскольку государство проявляло себя с “неожиданной” стороны в организации отпусков и отдыха советских людей, в этом вопросе его политика не укладывалась в стереотипные рамки “тоталитарности” (с. 9).

Поскольку исследование Кoenкер, посвященное теме отпусков в СССР с 1920-х до середины 1980-х годов, во многом является новаторским (с некоторым удивлением констатирую, что не существует ни одного столь же фундаментального труда по проблемам отдыха в советское время), считаю важным обозначить основные его тезисы, позволяющие по-новому взглянуть на советский образ жизни и взаимоотношения граждан и государства.

Кoenкер считает, что история организации отдыха советских людей — это история о том, “какого рода систему и общество коммунисты намеревались построить изначально, каким они представляли и как создавали это общество” (с. 10–11). Пожалуй, именно в вопросах отпуска шло смещение акцента с производства на потребление и именно на этом кейсе можно посмотреть, какие велись дискуссии и что именно обсуждалось советскими гражданами. С самого начала существования СССР неотъемлемой частью системы стимулирования стал доступ к товарам и досугу, недоступным для широких масс. Через поощрение лучших рабочих и известных людей государство формировало идеальный образ советского гражданина, культурного потребителя. Превращение человека в туриста стало одним из элементов советского “общества благосостояния”, стремление к которому было объявлено одной из целей страны после смерти Сталина (по моему мнению, чуть раньше — в последние годы жизни вождя). Однако, просто так получать удовольствие от отдыха советским людям не полагалось, время отпуска воспринималось как возможность для “починки человеческого мотора” (кстати, так называется первая глава монографии). Изначально идея отдыха была исключительно утилитарной: восстановление сил после напряженной работы на производстве, таким образом, тело пролетария уподоблялось машине. Такое отношение к организации отдыха делало СССР прямым продолжателем традиции европейского Просвещения, поскольку провозглашался научный подход к проблемам здоровья и в целом к человеческому организму. Курорты и санатории стали планироваться как “фабрики здоровья” со строго определенными терапевтическими процедурами, отмеряемыми “по звонку” (по примеру французских оздоровительных курортов XIX в.). “Советскость” проявлялась в принципе бесплатности услуг, в централизованности и особом внимании к профилактике заболеваний, гигиене и общественному здравоохранению.

Тезис “починки” советского человека задал один из главных трендов, характерных именно для “советского отдыха”, и определил “медицинскую” составляющую как ведущую. В санаториях нужно было предъявить документ, подтверждающий медицинский диагноз, который должен был соответствовать профилю лечебного учреждения. Однако грань между лечением и обычным отдыхом оказывалась зыбкой, а используемые на курортах термины “больной” и “отдыхающий” были взаимозаменяемыми. И если в первые десятилетия советской власти места отдыха предоставлялись только больным туберкулезом и страдающим от неврастения, то вскоре стало ясно, что в обществе сформировался запрос на восстановление сил всеми трудящимся. Уже в конце 1930-х годов отдых негласно рассматривался скорее как удовольствие, стали появляться новые формы проведения досуга, чего жаждала новая советская элита и требовал формирующийся средний класс.

Коенкер справедливо выделяет одну из удивительных особенностей массового отдыха в СССР, вероятно, выросшую из системы распределения путевок профсоюзами: получение возможности отдохнуть только одному члену семьи — работнику предприятия. Получалось, что советская модель отпуска предполагала проведение отдыха членами семьи порознь. Это порождало определенные паттерны поведения советских граждан на курортах, например, завязывались “курортные романы”, которые при всей неоднозначности отношения к ним рассматривались общественностью скорее как негативное явление. Тем не менее только в 1960-е годы профсоюзные деятели признали необходимость организации семейного отдыха, что выразилось в строительстве новых здравниц семейного типа и запуске в свободную продажу большого количества путевок. В архивах Коенкер нашла немало записей чиновников от туризма типа “мы вынуждены принимать детей”, “жизнь заставляет идти навстречу желаниям людей” (с. 300). Однако учреждения для семейного отдыха в СССР строились очень медленно, проекты домов отдыха для семей с детьми оставались по большей части лишь на бумаге, и даже в 1980-е годы советская отпускная инфраструктура лишь в очень ограниченной степени могла удовлетворить этот спрос.

К сожалению, автор не прибегает к этнографическим методам интервьюирования, в основе источниковой базы Коенкер архивные материалы, рекламно-информационные проспекты и публицистика, кроме того, активно привлекается кинематографический материал — советские фильмы, в которых затрагивается тема отпусков и курортов (напр., “Девушка спешит на свидание”, где главный герой за деньги принимает медицинские процедуры вместо настоящих отдыхающих, чтобы их не выгнали из санатория за непосещение, или более известный широкой публике “Любовь и голуби”). Безусловно, кинофильмы — это прекрасный исследовательский источник. Однако мне кажется, что введение в оборот материалов устной истории (информанты — граждане СССР до сих пор живы и помнят, как в середине прошлого века приходилось организовывать семейный отпуск) позволило бы увидеть изучаемую проблему чуть шире и с других ракурсов: так, родители зачастую отказывались от одиночных профсоюзных путевок, они старались скоординировать сроки своих отпусков и ехали вместе с детьми отдыхать “дикарями”. Коенкер упоминает “неорганизованный отдых” в своем исследовании скорее вскользь, вероятно не осознавая, что это явление было настолько массовым, что породило определенную субкультуру. Например, в 1969 г. из четырех отдыхающих курорта Ессентуки трое были “неорганизован-

ными” (с. 291). Я предполагаю, что, по всей видимости, автор сознательно избегает погружения в повседневные практики “советского отдыха”, фокусируясь на магистральной теме исследования — отношениях государства и его граждан в сфере досуга. В связи с этим выявляется крупная, до сих пор совершенно неизученная область — повседневные практики досуга советских людей при “организованной” и “дикий” формах отдыха. Тема ждет своего исследователя.

В пятой главе монографии Кoenкер подробно анализирует то, как пребывание на курорте превращалось из лечения в объект престижного потребления. Постепенно отпуск в здравнице стал рассматриваться не столько как возможность лечения каких-либо заболеваний или поощрение за примерную работу, сколько как получение места для отдыха в соответствии с социальным статусом (в определенных здравницах на определенном курорте). Так, в системе распределения путевок официально приоритеты расставлялись следующим образом: 1) рабочие, нуждающиеся в лечении, 2) остальные работники, имеющие какие-то заболевания, 3) рабочие без проблем со здоровьем. Несмотря на то что на протяжении существования СССР символическое привилегированное положение всегда занимал рабочий класс, во многом именно отпускные практики и перераспределение путевок (то самое “престижное потребление”) отражали реальную социологическую картину советского общества с его возрастающим неравенством между социальными группами. Если в сталинские времена было два официальных правящих класса — рабочие и крестьяне, а интеллигенция признавалась “прослойкой”, то в послевоенные 1950-е годы в связи с ростом благосостояния общества, распространением образования и новых технологий “прослойка” (люди интеллектуального труда) значительно увеличилась количественно и существенно дифференцировалась. Необходимо было определить место этой разросшейся “прослойки” в общенародном государстве без ущерба для принципа социального равенства и с учетом эгалитарных настроений рабочих масс. Так, в работах советских социологов, изучавших вопросы “социальной стратификации”, уделялось все большее внимание роли “нематериальных благ” для работников умственного труда: при становлении советской потребительской экономики стало возможно определить свои (неодинаковые!) ценности для различных слоев общества через предпочитаемые ими предметы потребления (с. 287). В официальном дискурсе приоритет отдыха для рабочих не подвергался сомнениям, но акцент стал смещаться со всего рабочего класса на группы рабочих “важнейших профессий” и “важнейших отраслей экономики”. Далее в порядке приоритетности шли инвалиды, ветераны войн и те, кто имел проблемы со здоровьем. Однако уже в 1961 г. профсоюзные деятели, ведавшие курортами, жаловались, что рабочим и работникам совхозов не достается путевок в лучшие здравницы в летнее время и они вынуждены довольствоваться второстепенными учреждениями либо посещать престижные курорты вне сезона. В самых желанных санаториях и домах отдыха Кавказа и Крыма летом отдыхала в основном столичная интеллигенция и чиновники. Кoenкер на основании архивных материалов приводит следующие статистические данные: летом 1961 г. в некоторых крымских санаториях рабочие составляли от 2,8% до 24% отдыхающих (с. 289). Несмотря на видимость борьбы с этим явлением, социальный состав приезжих на курортах оставался прежним. Почему картина не менялась? В первую очередь из-за злоупотреблений с распределением путевок. Самая очевидная причина — махинации с путевками на лечение. Лозунг “Была бы путевка, а диагноз най-

дется” был нормой советской курортологии. На страницах газеты “Труд” руководитель одного из оздоровительных учреждений жаловался: “Лишь немногие женщины, прибывавшие в дом отдыха для беременных (Московская область), выглядели беременными <...> одна из них оказалась мужчиной” (с. 290).

Коенкер справедливо замечает, что подобные махинации и двойные стандарты приводили к тому, что государство тратило миллионы рублей на медицинское обслуживание и персонал на курортах, но, по сути, для “доставших” путевки представителей интеллигенции и чиновников лечение было несущественным элементом отдыха. Нахождение в престижных здравницах в первую очередь подчеркивало социальный статус отдыхающих, а не их потребности в оздоровлении. Более того, статистика показывала превалирование на курортах не просто служащих (работников умственного труда и чиновников), но преимущественно служащих из крупных советских городов, среди которых абсолютно доминировали жители Москвы и Ленинграда. Развитие социалистической потребительской экономики опиралось не на финансовые возможности населения, а на систему распределения социальных благ, большое значение в которой играли профсоюзы и профсоюзные лидеры лично. (К сожалению, до сих пор существует явно недостаточное количество экономических, а тем более антропологических исследований о деятельности профсоюзов и сложившихся специфических советских практиках вокруг них.) Удивительно, что автор постоянно упоминает профсоюзы и, кажется, понимает их основополагающую роль в развитии курортологии и организации “советского отдыха”, однако говорит об этом вскользь, не уделяя должного внимания колоссальному влиянию этих организаций. Так, Коенкер пишет, что когда в 1965 г. харьковский экономист Е.Г. Либерман (с. 277) предложил реформу, предполагающую в том числе продажу путевок по полной стоимости (по исследованиям, у населения деньги и накопления были, потратить их особо было не на что), а не распределение их через систему ВЦСПС, именно профсоюзы “зарубили” эту инициативу, выводящую отпуск советских людей на “рыночные рельсы”. Реформа предполагала продажу внесезонных путевок с дисконтом (чтобы гарантировать заполняемость санаториев в течение года и исключить простои), а сезонных — без всяких скидок; полученные средства должны были использоваться для расширения сети курортов и улучшения качества обслуживания. Сам Е.Г. Либерман настолько прославился своими предложениями, что даже оказался на обложке журнала “Тайм” за 12 февраля 1965 г.

Однако профсоюзные лидеры самым решительным образом отстаивали распределение путевок согласно социалистическим, а не капиталистическим принципам. Таким образом, именно благодаря внутренней политике профсоюзов, во многом отвечавших за распределение благ, которые часто было невозможно приобрести за деньги, усиливалась негласная стратификация советского общества. При официальном декларировании пролетариата гегемоном основными получателями советских товаров “престижного потребления” становились представители “умственного труда” и управленцы из крупных городов, преимущественно из Москвы и Ленинграда. Таким образом, Коенкер, анализируя тему “советского отдыха”, затрагивает более сложную проблематику негласных привилегий и стратификации советского общества.

Перекося числа отдыхающих на курортах явно не в пользу “гегемона” пытались хоть как-то сгладить или объяснить. Так, крупные организации и министер-

ства строили свои собственные комфортабельные санатории. К примеру, Союз писателей СССР отправлял своих членов в 17 санаториев – “Домов творчества”, где уже не было никаких требований к составу отдыхающих. Кроме того, серьезный перекося в системе “престижного потребления” пытались объяснить вкусовыми предпочтениями. Высказывалось мнение, что и сами рабочие не особенно хотели ехать в санатории с их строгим режимом, а предпочитали дома отдыха, а то и вовсе неорганизованные выезды на охоту и рыбалку. Самыми неохваченными промышленным рабочим классом оказались курорты Кавказских минеральных вод и Сочи, тогда как крымские здравницы принимали несколько больше представителей пролетариата.

В связи с нехваткой мест в санаториях и домах отдыха в 1960-е годы стал активно развиваться туризм – более демократичный и динамичный вид отдыха. Казалось, что именно он подходил обществу, взявшему курс на строительство коммунизма. Несмотря на то что туризм пропагандировался как более “правильный”, более “советский” досуг и противопоставлялся “пассивному” курортному отдыху, последний все же оставался “золотым стандартом для многих советских граждан, особенно промышленных рабочих” (с. 23).

Строительство домов отдыха и санаториев финансировалось значительно лучше, чем развитие туризма. Туристическую сферу пытались несколько раз реформировать, но каждый раз дело двигалось плохо: не хватало гостиниц, турбаз, теплоходов, а имеющиеся зачастую были некомфортными и, соответственно, непривлекательными. В связи с этим в 1960-е годы в СССР стало распространяться такое явление, как самодеятельный туризм, особо востребованный в среде городской интеллигенции. Чаще всего он ассоциировался с “романтикой” – со свободным путешествием по стране с рюкзаком, палаткой, картой и компасом. Это такое соединение утопических мечтаний с активным передвижением, по сути “внутренняя эмиграция”, своеобразная форма диссидентства, бегство от городского напряжения и давления государства во всех сферах жизни (кстати, автор рецензируемой монографии почему-то не отмечает этого аспекта в развитии советского туризма). Государство активно поддерживало неформальный туризм, способствовало созданию турклубов на базе университетов и научных организаций. Самодеятельные группы должны были регистрировать маршрут и придерживаться графика передвижения, чтобы попавшим в критические ситуации людям можно было своевременно оказать помощь. Однако, по оценкам одного чиновника, лишь 10% тургрупп уведомляли соответствующие органы о своих походах. Государство пыталось хоть как-то институализировать самодеятельный туризм, были утверждены значок “Турист СССР” и звание мастера спорта по туризму. В стране появился новый вид туризма – “спортивный туризм”. Тем не менее это привлекло лишь небольшую часть неорганизованных туристов, большинство же по-прежнему ходило в походы и совершало поездки выходного дня за город, не планируя получения спортивных званий.

Особое внимание в рамках организованного советского отдыха уделялось “познавательной” стороне. Так, например, даже во время пеших походов организаторы умудрялись проводить “просветительские лекции” у костра. Периодически это становилось поводом для сатиры – критиковали перегруженность отдыха, делающую его формальным и скучным. Тем не менее потребность в увеселениях и комфорте во время отпуска неуклонно возрастала, об этом постоянно говорили организаторы “советского досуга”. Решение вопроса тре-

бовало соблюдения сложного равновесия между целесообразностью отдыха и удовольствием — в этих рамках постоянно балансировала советская система отдыха. Время курортников после прохождения медицинских процедур обычно распределялось между киносеансами и танцплощадкой. Сотрудники оздоровительных учреждений постоянно волновались: не сводится ли все исключительно к увеселениям, не слишком ли мало внимания уделяется подъему культурного уровня отдыхающих. Кoenкер отмечает, что мероприятия идеологической и патриотической направленности должны были укреплять и без того тесную связь интересов советского государства и досуговых практик.

В заключение автор анализирует организацию законодательно закреплённого, практически бесплатного “советского отдыха” в международном контексте. Оказывается, в некоторых странах послевоенной Европы также появился особый вид отдыха — “социальный туризм”. Изначально он был направлен на предоставление недорогого содержательного досуга представителям всех слоев общества, но, по сути, стал неявной привилегией рабочего класса, которому были недоступны другие поездки. Тем не менее в Европе социальный туризм существовал параллельно с коммерческим и порой даже конкурировал с ним. В СССР же весь туризм был социальным — отдых субсидировался: предоставлялась инфраструктура, устанавливались специальные цены на пассажирские перевозки, производились выплаты по линии соцстраха. Главной особенностью системы советского отдыха, по мнению Кoenкер, была четкая направленность на внесемейность (семейный отдых в СССР не был организованным и не дотиrowался), все остальные тренды более-менее совпадают с мировыми трендами организации отдыха в XX в.

Кoenкер считает, что история туризма в СССР позволяет выявить ряд факторов, которые в итоге и привели к краху режима: неспособность экономики удовлетворить растущие ожидания городских потребителей, желание людей свободно путешествовать по стране и миру. В то же время, пишет исследовательница, именно досуговые институты создавали ощущение материального и культурного благополучия и в какой-то мере удовлетворяли стремление граждан к расширению горизонтов. Кoenкер для описания советской действительности использует метафоры: “двуликий Янус” — в отношении существовавшего режима и “наполовину пустой или полный стакан” — характеризуя досуг, по которому чаще всего ностальгируют бывшие жители СССР. Автор отмечает, что, с одной стороны, организация отдыха укрепляла нелиберальный режим (распределение путевок, попытки организовать всех отдыхающих и пр.), с другой — именно в отпуске советский человек вырывался из системы и жил как будто бы в светлом будущем, которое только строилось государством.

Важно отметить, что в отечественной историографии нет подобных исследований советского/российского отдыха, встречаются лишь небольшие краеведческие очерки по истории тех или иных курортов. Кoenкер в своей работе сознательно сделала акцент на взаимоотношениях советского государства и советского человека. Такой подход к освещению темы отдыха позволил ей высветить порой неочевидные аспекты государственного управления в СССР, устройства советского потребительского рынка и социальной стратификации.

Я как читатель и как рецензент получила невероятное удовольствие от книги “SPАсибо партии”. Уже около десяти лет я собираю материалы и вынашиваю идею публикации исследования о постсоветском отечественном отдыхе, свя-

занном с продолжающими существовать престижными и часто недостижимыми для “простых смертных” советскими здравницами. Волею случая оказавшись в 2010 г. в санатории Железноводска, я была удивлена невероятной популярностью и востребованностью “советской” санаторной системы, выглядевшей в новых реалиях совершенно морально устаревшей, какой-то неуклюжей и неудобной (и при этом достаточно дорогой!) по сравнению с зарубежным отдыхом, предлагавшим широчайший ассортимент услуг всех видов.

Дайан Кoenкер удалось создать действительно фундаментальное исследование, аналогов которому не существовало до сих пор ни по масштабам, ни по историческому охвату. Но сосредоточившись на анализе организации “советского отдыха”, автор совершенно упускает из виду самих людей — граждан, которые не только “потребляли” советский “отпускной продукт”, но и непосредственно участвовали в его “создании”, наполняя его новыми практиками, смыслами и мотивациями. Я очень надеюсь, что мои наблюдения постсоветского отдыха в “советском антураже” частично заполняют эту исследовательскую лакуну.

Book Review

Vasekha, M.V. Soviet Vacation is a Getaway to Communism (a Medical Certificate is Necessary!) [*Sovetskii otpusk — eto malen'koe puteshestvie v kommunizm (medspravka obiazatel'na!)*]: A Review of *SPAsibo partii. Otdykh, puteshestviia i sovetskaia mehta* [Thanks to the Party: Vacation, Travel and the Soviet Dream], by D. Koenker. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 1, pp. 235–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010139> EDN: XXIHYR ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Maria Vasekha | <http://orcid.org/0000-0003-4132-4370> | maria.vasekha@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)